

«Латинская Америка: государство и общество перед вызовами XXI века»

Под таким названием в Центре политических исследований ИЛА РАН состоялся коллоквиум. Были обсуждены актуальные проблемы социально-политической трансформации стран региона, новые вызовы государству и угрозы стабильности, соотношение традиционализма и модернизации в современной общественной жизни и новые тенденции в социальном развитии.

Ключевые слова: новые вызовы государству, консолидация демократии, роль политических партий, гражданское общество и государство, Аргентина, Чили, Панама, «коллективный эмигрант», социальная политика стран ALBA, вызовы преступности и насилию в Мексике, индейский вопрос в Эквадоре.

М.Л.ЧУМАКОВА, доктор политических наук, директор Центра политических исследований ИЛА

Государство перед новыми вызовами

Изучение взаимосвязей между государством и обществом — весьма непростая задача, которая требует комплексного анализа, учитывая сложное переплетение целей, форм участия и партнерства, конфликты интересов и кризисные ситуации, возникающие на политическом поле. В связи с этим представляется необходимым провести диагностику состояния современных государств и институтов власти, с одной стороны, и определить новые тенденции в развитии латиноамериканского социума и участия различных акторов в политическом процессе — с другой. Такой анализ даст возможность более адекватно оценить состояние и перспективы социально-политической трансформации стран региона, обнаружить многообразие вариантов политической эволюции или инволюции, обусловленных национальной спецификой, наличием представительной, прямой или полупрямой демократии, а также преобладанием консенсусных или мобилизационных схем общественного устройства.

В начале XXI в. в регионе явно проявились признаки ослабления государства, демонстрирующего бессилие в деле обеспечения общественной безопасности и неспособность удовлетворить базовые потребности населения. Само ослабление вызвано совокупностью причин. Попытаемся выделить главные. Во-первых, следствием появления на рынке множества экономических субъектов стал и кризис управляемости и сопровождавшая его в большинстве стран неэффективность государственного управления. Во-вторых, коррупция и nepotизм, издавна присущие государственному аппарату и ветвям власти, усиливали недоверие к действиям правительств и подтачивали легитимность власти. В-третьих, частые смены правительств и досрочные отставки президентов, особенно в нестабильных андских странах, свидетельствовали о зыбкости фундамента демократий, за которыми закрепилась репутация «демократий малой интенсивности».

Несмотря на сравнительно благополучное в экономическом плане развитие латиноамериканских государств за последнее пятилетие, высокий уровень неравенства в распределении доходов сохранялся, а успехи борьбы с бедностью, прокламируемые всеми правительствами, были явно недостаточны для снятия опасных напряжений в толще латиноамериканского социума. Это служило индикатором неэффективности государственной политики с точки зрения общественного благосостояния и приближения к идеалу социального государства. Достаточно сказать, что сегодня Латинская Америка лидирует на планете как регион с наибольшим уровнем социального неравенства. Может, не будет преувеличением считать регион социальным Чернобылем.

Достижения экономической модернизации носили ограниченный характер. Они не устранили региональных диспропорций и тем более не стали фактором национальной консолидации. Напротив, они привели к увеличению разрывов между мегаполисами и сельскими районами, остающимися заповедниками традиционализма. Несбалансированность развития и сохраняющиеся региональные диспропорции как зримые свидетельства неэффективности государства также указывают на симптомы его кризиса. Наличие в странах региона обширных территорий с минимальным присутствием государства создало благоприятную среду для нелегальной деятельности — от контрабанды и наркопроизводства до различных форм преступности и сопровождалось стиранием граней между законными и незаконными проявлениями общественной активности.

Не освоенные государством территории вкупе с наличием обширных массивов бедности, охватывающих социально «исключенные слои», также свидетельствуют о дисфункции государственного управления. Разбухание неформального сектора сопровождается рекрутированием молодежи в криминальную среду. Учитывая вовлеченность стран региона в наркопроизводство и наркотрафик, организованная преступность получает бездонный резервуар для вовлечения детей и подростков в свои разветвленные сети. Включаясь в банды, молодежь из неимущих слоев не только обретает принадлежность к группе с ее символикой, испытывая чувства идентичности со сверстниками, но получает физическую защищенность и возможность заработка. При этом участники криминальных банд контактируют только с одним институтом государства — с полицией и выносят из этих контактов (особенно в случаях последующего тюремного заключения и с учетом низкого уровня ювентильной юстиции) преимущественно негативный опыт.

Рост уличной и молодежной преступности пагубно отражается на состоянии общественной безопасности. Все большее число латиноамериканцев ощущают личную незащищенность. Преступность считают важнейшей проблемой общества 46% венесуэльцев и гватемальцев, 38% сальвадорцев, 32% чилийцев и 30% аргентинцев. Средний по региону показатель в 17% превышен также в Бразилии, Гондурасе, Панаме, и Коста-Рике. Еще более впечатляющие данные о динамике тяжких преступлений. Если в 1980 г. число убийств на каждые 100 тыс. жителей составляло 12,5 человек в год, то в 2006 г. оно удвоилось, достигнув 25,1. Преступность наносит ощутимый ущерб обществу как в плане утраты человеческих жизней (в основном молодежи), так и с точки зрения материальных потерь.

Таким образом, на фоне разнообразных проявлений кризиса государства все отчетливее прослеживается **тенденция к криминализации**, сопровождающаяся новыми рисками для политической стабильности и долголетия правительств. Эта тенденция несет с собой невиданный ранее рост насилия, масштабы которого сопоставимы с потерями в период вооруженных конфликтов и гражданских войн. Возрастающая криминализация общества происходит на фоне коррупционных скандалов, нередко подрывающих политическую стабильность и доверие граждан к государственным институтам в целом и системе правосудия, в частности. Коррупции подвержены все страны региона, однако сопоставление международных индексов ее распространения приводит к выводу о взаимосвязи масштабов этой давней болезни с силой или слабостью демократических институтов, состоянием прав человека и прозрачностью или закрытостью механизмов власти,

а также с индексом развития человеческого потенциала. Возможность прервать порочный круг коррупции, преступности и безнаказанности предоставляется органам юстиции, как правило, лишь после отстранения от власти главы государства. В целом же попытки демократических правительств обуздать коррупцию, усиленную повсеместным влиянием наркомафии, трудно признать удовлетворительными. В Колумбии непрерывные усилия правительства А.Урибе по искоренению наркопроизводства и наркосообществ, созданных герильей, мафией и «парамилитарес», спровоцировали расширение криминальной паутины, в нитях которой взаимодействуют, невзирая на идеологические различия, представители разного рода преступных и военизированных структур.

В последние годы наметился всплеск наркомилитаризма — участия офицеров вооруженных сил и полиции в противоправной деятельности. Феномен наркомилитаризма стал следствием глубокого проникновения наркокартелей в госаппарат и органы власти. Сходные процессы разворачиваются и в Мексике, где попытки государства поставить заслон деятельности наркокартелей вызвали беспрецедентную по масштабам активизацию криминальных структур, приведшую к резкому обострению социально-политической ситуации в ряде штатов. Тот факт, что сети подпольного наркобизнеса завязаны на транснациональные криминальные структуры, значительно снижает действенность мер правительств по нейтрализации наркоугрозы.

Кризис доверия к институтам государства, зафиксированный отчетами неправительственной организации «Latinobarómetro» и местными социологическими службами, отражает разочарование населения в функционировании латиноамериканских демократий и, как следствие, фиксирует падение спроса на формальную демократию. Общество утратило доверие к деятельности государственных институтов, президентов, правительств и политических партий. Обратной стороной сдвигов в общественных настроениях, ускоренных удручающим состоянием социальной сферы, становятся тоска по сильной руке и ожидания скорых решений острейших проблем. На фоне кризиса доверия и ухудшения положения в социальной сфере наблюдается политизация различных движений, ставших локомотивом прихода к власти популистских националистических режимов. Деятельность таких режимов характеризуется расширением полномочий исполнительной власти и линией на конфронтацию с оппозицией. Эта же линия характерна и для развития конституционного процесса, который в странах боливарийской орбиты является не только средством обновления государственного устройства, но и служит причиной политической поляризации общества, торжества национальной консолидации.

За пределами стран боливарийской орбиты в правящих кругах латиноамериканских государств преобладают сторонники эволюционных изменений, децентрализации административного управления, рыночной экономики и усиления социальной политики государства. В пестрой политической мозаике континента явно сужается пространство социального консерватизма. Современная повестка национал-реформистских правительств нацелена на конструктивное взаимодействие власти и гражданского общества, на поиски национального консенсуса в условиях политических и гражданских свобод. Для такого взаимодействия необходимо доверие гражданского общества к правительству и государственным служащим, но завоевание доверия требует транспарентности власти, без которой трудно ожидать встречного движения со стороны общества. Восстановление утраченного властями доверия представляет одну из сложнейших задач, от решения которой во многом зависят поддержание равновесия в обществе и эффективность аппарата управления. Перспективы дальнейшей политической трансформации и успех социальных реформ будут определяться не только подходами государства и политического сообщества к методам обновления, но и позицией гражданского общества как партнера или контрагента государства.

З.В.ИВАНОВСКИЙ, доктор политических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Консолидация демократии и роль политических партий

Основные дискуссии политологов связаны с поисками универсальных условий, обеспечивающих консолидацию демократии, не существует и единого понимания демократии. Минималистский или институциональный подход в целом ограничивается требованием соблюдения процедурных моментов, при этом выделяются три основных фактора:

— эгалитарный элитизм — комплекс соглашений, обеспечивающих соперничество элит на свободных и альтернативных выборах; партии и другие субъекты политики без каких-либо ограничений должны иметь возможность излагать свои программы и артикулировать интересы различных слоев общества;

— жесткое соблюдение на практике конституционного правопорядка и другого законодательства, сохранность политических институтов при регулярной сменяемости их состава, что обеспечивается ограниченным сроком президентских полномочий, независимостью судебных органов, гарантиями от произвола временного большинства, соблюдением прав оппозиции и т.д.;

— расширение политической партисипации, предполагающей активное участие граждан в принятии решений.

Известный финский политолог Тату Ванханен, связав эти факторы воедино, разработал достаточно простую формулу индекса демократизации:

$$ID = C \times P / 100,$$

где C — уровень конкуренции (доля голосов, поданных за оппозицию), а P — уровень партисипации (доля избирателей, участвовавших в выборах, от потенциального электората).

Сам Ванханен считает обе переменные равноценными, однако, на наш взгляд, при обязательном голосовании (как во многих латиноамериканских странах) либо давлении на избирателей при помощи административного ресурса более важным оказывается первый показатель.

За десятилетия демократического транзита Латинской Америке удалось добиться заметных успехов, но в то же время консолидации демократии и политической модернизации в целом препятствуют особенности традиционной политической культуры, способствующей воспроизводству неавторитаризма как правого, так и левого толка.

Признавая первостепенность институциональных факторов и процедурных моментов, нельзя не согласиться с мнением специалистов, считающих, что для развивающихся стран более адекватным оказывается сущностный подход, учитывающий весь комплекс социально-экономических факторов: уровень урбанизации, развитие СМИ и среднедушевой ВВП (С.Липсет); индекс человеческого развития и уровень образования (Л.Даймонд), неравномерное распределение доходов (Г. де ла Пас и др.). Попутно можно заметить, что наиболее острые социальные проблемы в какой-то мере удавалось решать и авторитарными методами, однако отсутствие конкуренции в конечном счете делало экономическую и политическую модель неэффективной.

Уже упоминавшийся Ванханен приходит к выводу, что концентрация ресурсов ведет к автократии, а демократия возможна лишь при условии, когда ресурсы, необходимые для осуществления власти, распределены в обществе настолько широко, что ни одна группа более неспособна подавлять конкурентов и тем самым обеспечивать свою гегемонию. (Используемые в исследовании переменные учитывают как материальные, так и интеллектуальные ресурсы.)

Многие классики демократического транзита (С.Хантингтон, А.Пшеворский, Ч.Тилли и др.) уделяют большое внимание субъективным факторам, под воздействием которых история становится многовариантной и малопредсказуемой.

Одним из способов канализации интересов по-прежнему остаются политические партии. Существует целый ряд объективных и субъективных факторов, в какой-то мере объясняющих снижение их авторитета:

- кризис представительства, появление новых социальных движений, связанных с проблемами культуры, экологии, гендерными, правами человека и т.д.;
- отсутствие модели (пусть даже утопической) идеального будущего, неспособность предложить обществу оригинальный идеологический проект;
- президентская форма правления и заметный дисбаланс полномочий в пользу исполнительной власти, ключевая роль личности президента, а не его политической партии;
- непостоянство электоральных предпочтений, слабая связь партий с обществом, появление независимых кандидатов, склонных к популизму и плебисцитарности;
- отсутствие партийной дисциплины, заключение беспринципных конъюнктурных союзов, чрезмерная персонификация политики;
- фрагментированная партийная система, слабая связь президента с партиями и отсутствие пропрезидентского парламентского большинства, с одной стороны, и неспособность многих партий выдвинуть авторитетных кандидатов — с другой;
- недостаточное внимание к социальным и экономическим проблемам;
- стагнация традиционных партий, заинтересованность избирателей в смене политических элит и т.д.

Все эти факторы приводят к дезориентации граждан, ностальгии по сильной руке и способствуют приходу к власти демократическим путем популистских политиков, слабо или вообще не связанных с существующими партиями.

Выход видится в обновлении партийных программ, появлении нового поколения лидеров на общенациональном и местном уровнях, развитии внутрипартийной демократии, большей прозрачности партийной деятельности, укреплении связей партий с гражданским обществом.

Несмотря на все недостатки и проблемы латиноамериканские партии являются одним из основных элементов организации политической власти, выявляют, формулируют и обосновывают интересы различных социальных групп, разрабатывают идеологические концепции, определяющие стратегию и тактику общественного развития. Абсолютное большинство партий придерживается демократических принципов и предпочитает электоральные методы борьбы за власть, принимает активное участие в работе политических институтов. Наиболее влиятельные партии являются связующим звеном между государством и гражданским обществом.

Обеспокоенность по поводу дальнейшей судьбы партий и их роли в политических процессах, высказываемая в академических и политических кругах, не лишена основания. В то же время нельзя не отметить, что часто имеет место подмена понятий, когда во многом справедливая критика партий приводит к опрометчивому выводу об их отмирании или ненужности. В качестве контраргумента можно привести хотя бы тот довод, что даже пришедшие к власти на волне популизма политики не придумали иных механизмов, а занялись созданием и укреплением пропрезидентских партий. Очевидно, что консолидация демократии невозможна без институционализированной партийной системы, предполагающей, как показывают американские исследователи С.Мейнворинг и Т.Скалли, стабильные правила игры и соперничество политических партий; их определенное влияние в обществе; признание легитимности электорального процесса и политических партий основными субъектами политики; наличие сильных партийных организаций, пользующихся влиянием на определенной территории, имеющих собственные финансовые средства и не зависящих от интересов амбициозных лидеров. Институционализацией партийно-политических систем является способность правящей партии достичь прогресса в решении социальных проблем. В этом случае правящая партия добивается переизбрания, что способствует преемственности проводимой политики и стабилизации ситуации в целом.

За последние десятилетия имела место определенная конвергенция левых и правых партий, произошел их сдвиг к центру политического спектра. В большинстве случаев ни те, ни другие не подвергают сомнению принципы рыночной экономики и политической демократии, основное различие касается роли государства в экономическом развитии и методов социальной защиты населения.

При определении степени влияния различных факторов на консолидацию демократии становится очевидным, что цивилизационные особенности и политическая культура практически не изменяются, решение социальных проблем — крайне сложный и длительный процесс, в то время как реформирование политических институтов при наличии доброй воли политических лидеров и их массовой поддержке осуществляется относительно быстро и безболезненно. При наличии соревновательности и партисипативности риски отката к авторитаризму сводятся к минимуму.

Ю.И.ВИЗГУНОВА, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН

Взаимодействие гражданского общества и государства

На рубеже XX—XXI вв. во многих странах Латинской Америки гражданское общество претерпело заметную эволюцию, став более плюралистическим и зрелым. Расширилось его участие в демократизации государственных институтов. Образование широкой сети разнообразных гражданских движений и ассоциаций, автономных от государства, привело к распространению в регионе ряда идей о гражданском обществе как об особом внегосударственном социальном явлении, которое, будучи формально отделено от общества политического, в то же время оказывается неразрывно связано с ним и само приобретает политическую окраску (А.Граммши, В.Флорес Олеа). Несмотря на разные интерпретации понятия гражданского общества, все они возникли из основных исторических концепций, связанных как с англо-американской либеральной традицией (Дж.Локк, А.Смит, Т.Пейн, Д.С.Милль, А. де Токвиль), так и с европейской, прежде всего германской культурной традицией (Гегель и К.Маркс), а позднее и с социал-демократической. Характерно, что понятие гражданское общество, которое принадлежит к числу понятий социологической и политической теории (наряду с понятиями свободы, справедливости, равенства, демократии), стало использоваться не только как теоретическая категория, объясняющая явления социальной реальности, но и все более как нормативная концепция, которая способствует мобилизации социальных субъектов на развитие различных по содержанию и гибких форм гражданской активности в ответ на социальные вызовы. Таким образом, новые теоретические идеи становятся своего рода концептуальным кодом, объясняющим и направляющим сложные процессы, связанные с растущим участием граждан в жизни общества.

В теоретических разработках латиноамериканских ученых гражданское общество начинает все больше ассоциироваться с движениями, которые ищут новую модель развития и социального устройства, оказывая все более заметное влияние на процессы демократизации. По мере исследования издержек и противоречий неолиберальной стратегии в общественной мысли идет поиск новых форм и направлений социальной политики государства с участием гражданского общества в плане концепции «устойчивого развития», путей реформирования государства в свете требований времени, налаживания новых взаимоотношений государства и гражданского общества. В противовес некоторым неолиберальным идеям, в свете которых гражданское общество рассматривается в оппозиции к государству как субъект рыночных отношений, охраняющий частные интересы от бюрократической машины государства, все более утверждается концепция, восходящая к национальным традициям региона: гражданское общество характеризуется как защитник национальных, культурных и исторических ценностей в условиях универсализации рыночных отношений. Так, аргентинский политолог Х.К.Портантьеро обраща-

ет внимание на то, что в современных условиях главным для гражданского общества стран региона является не столько его противопоставление центральной власти, сколько стремление увязать движение с целями институционализации, коллективного действия и новых законов о правах граждан. Автономное и плюралистическое гражданское общество, отмечает ученый, являясь детонатором общественных преобразований, одновременно отстаивает формирование и консолидацию политических институтов, способных создать юридические основы новых прав граждан и включить их в новые структуры государства. Таким образом, Портантьеро показывает ту роль, которую играет и будет играть гражданское общество, выступающее партнером властей, в формировании структур правового государства.

Механизмы взаимоотношений общества и государства в сложном процессе демократизации на современном этапе, когда происходит переплетение и как бы переливание из одного в другой различных ее потоков в политической и социальной сферах, вызывают растущий интерес среди латиноамериканских ученых. Так, в Латинской Америке получила распространение идея итальянского теоретика Н.Боббио о так называемой «двойной демократизации». Он утверждает, что наступает решающий момент в развитии демократических институтов, который можно рассматривать как переход от государственной политической демократизации к демократизации общества (социальной). В интерпретации ученого процесс социальной демократизации заключается в расширении так называемой «восходящей власти» от имени и в интересах отдельных индивидуумов и граждан на всех уровнях — местном, региональном и национальном. Таким образом, во власть включаются представители различных сфер гражданского общества — «от школы до фабрики». И в конечном итоге принципы представительной демократии занимают все более широкие политические пространства, в которых ранее доминировали кодексы, а также иерархическая и бюрократическая практика. Нельзя не согласиться с мнением английского ученого Д.Слэйтера, что у концепции Н.Боббио «о двойной демократизации» немало последователей, потому что в ней на первый план выдвигается значение постоянной динамики взаимодействия государства и общества в различных сферах, в том числе в экономической.

Латиноамериканские ученые, которые ищут пути смягчения социальных издержек, связанных с неолиберальной модернизацией и глобализацией, тесно увязывают решение этой проблемы с новыми, более эффективными формами сотрудничества государства и гражданского общества в отдельных странах. Так, экс-президент Бразилии, известный ученый Ф.Э.Кардозо, выдвинув концепцию «этики солидарности» — сотрудничества стран на международной арене в целях противостояния насилию, отчуждению, голоду и маргинализации, призвал одновременно к новым формам сотрудничества общества и государства. Их основой, считает он, должно стать достижение большей независимости гражданского общества посредством развития образования, повышения социальной ответственности граждан за рост уровня и качества жизни, за снижение уровня маргинализации беднейших слоев населения.

Большинство организаций гражданского общества, выступающих за идеи развития на основе социальной справедливости и национальных традиций, не отвергают глобализации как таковой, а принимают ее как объективную реальность, как универсальный процесс, который нельзя повернуть вспять. Вместе с тем, по их мнению, этот процесс требует «корректировок», позволяющих противостоять его негативным тенденциям. Так, мексиканский политолог В.Флорес Олеа разработал проект, в котором представил процесс углубления демократии в отдельных странах как наиболее реальный путь изменения характера современных процессов глобализации и модернизации, их разворота в сторону национальных интересов, новой модели развития «с социальным содержанием». По мнению ученого, главной целью должно стать достижение подлинно плюралистической системы демократии, основанной на горизонтальных и восходящих к центру связях, с участием самых различных слоев населения и их организаций и при слиянии интересов каждого из них в общий интерес гражданского общества и де-

мократического государства. В конечном итоге, утверждает политолог, такой процесс должен привести к подрыву неконтролируемых политических режимов, которые ориентируются на интересы элит.

В ходе происходящих в латиноамериканских странах значительных перемен, когда нередко обостряются старые антагонизмы и возникают новые противоречия и конфликты, а некоторые из них приобретают экстремистские формы, активизация гражданского общества и налаживание механизмов его взаимодействия с государством становятся важнейшей основой урегулирования негативных дестабилизирующих тенденций. Именно в странах с развитыми структурами гражданского общества таких, как Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай и Чили, накоплен немалый опыт урегулирования конфликтных ситуаций путем диалога, достижения соглашений между гражданским обществом и государством. При этом в Бразилии и Мексике подобные отношения между двумя субъектами привели к таким демократическим переменам, которые стали поворотными вехами в общественном развитии этих государств. В соответствии с новыми подходами, в гражданское общество ныне включаются как отдельные индивидуумы и граждане, так и широкий круг объединений — от неправительственных ассоциаций и коммуналистских организаций до политических партий, профсоюзов и разного рода социокультурных организаций и клубов. При этом гражданское участие подразумевает как прямое участие в этих объединениях, так и участие в СМИ, опросах общественного мнения, в избирательных процессах и референдумах.

Э.С.ДАБАГЯН, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН

Продление президентских полномочий: угроза демократии?

В Латинской Америке наблюдается поветрие продления президентских полномочий. Первопроходцем этого явления на рубеже веков стал У.Чавес. Придя к власти электроральным путем в декабре 1998 г., он, прежде всего, кардинально реформировал Конституцию. В нее было включено положение о возможности избрания главы государства вторично сразу же по окончании предыдущего мандата, что запрещалось прежним Основным законом. Кроме того, срок полномочий высшего должностного лица увеличился с пяти до шести лет. В соответствии с новой Конституцией, Чавес избирался еще раз в 2000 г., а отсчет его полномочий стал исчисляться с января 2001 г. Два первых года оказались списанными на переходный период. В декабре 2006 г. он выдвинулся вновь и заручился правом оставаться в своем кресле вплоть до 2013 г. Если не случится каких-либо чрезвычайных потрясений, то он сохранит бразды правления 14 лет. Таких сроков нет нигде на латиноамериканском континенте, за исключением Кубы.

На референдуме 15 февраля 2009 г. Чавес добился принятия поправки к Конституции, позволившей избираться на пост президента неограниченное количество раз. На этот счет он выразился предельно ясно, заявив: «Полагаю, что, если народ пожелает, нельзя лишать его права переизбирать любого соотечественника в третий, четвертый, пятый или шестой раз, чтобы тот мог управлять государственным кораблем». Эти идеи подбросил Чавесу его советник в прошлом, аргентинский социолог Н.Сересоле, утверждавший, что в декабре 1998 г. венесуэльцы избрали не просто президента, а национального лидера, который может оставаться на своем посту длительное время.

Практически сходными путями идут Боливия и Эквадор. Там тоже с момента прихода к власти Э.Моралеса и Р.Корреа реформированы конституции, а президенты получали право баллотироваться вторично. Им, строго говоря, официально пока ничего нельзя «инкриминировать». Но тенденция уже обозначилась.

Далее обратимся к другой андской стране — Колумбии, которая движется по иной парадигме. А.Урибе, пришедший к власти в 2002 г., незадолго до истечения четырехлетнего мандата инициировал поправку к Основному закону, отменившую запрет на вто-

ричное избрание президента. Эту поправку одобрил парламент. В соответствии с ней, Урибе получил право на переизбрание и в 2006 г. на волне несомненных достижений в борьбе с партизанским движением вновь стал главой государства. Незадолго до выборов, намечающихся на 2010 г., раздаются голоса о необходимости выдвижения действующего главы государства на очередной срок. Эта идея совпала по времени с острым институциональным кризисом. Поводом для его возникновения послужил арест парламентариев, обвинявшихся в тесных связях с правыми военизированными организациями. Такого рода деятелей называют парapolитиками. Многие из них поддержали и финансировали первую кампанию нынешнего президента. Skандал разразился после признания депутата И.Медины в том, что он поддержал поправку в обмен на обещание занять «теплое местечко». Именно его голос тогда оказался решающим. В связи с этим Верховный суд поставил под сомнение легитимность реформы, но Конституционный суд не счел возможным согласиться с подобными аргументами. В настоящее время вокруг проблемы третьего срока развернулась острая полемика. Она обрела особую значимость в свете попыток власти инициировать референдум. Разумеется, если таковой состоялся бы немедленно, то на волне эйфории по поводу освобождения заложников Урибе наверняка избрали бы еще раз.

Суть полемики не в том, останется или нет президент на своем посту. Речь идет о судьбе демократии и правового государства. Один из политиков, сенатор от Демократического полюса Г.Петро, выразился предельно четко. Он сказал: «Урибе предстоит сделать выбор между двумя вариантами. Либо продлить пребывание у власти, поскольку у него не будет соперников, либо завершить второй мандат человеком, сломавшим хребет FARC». В дискуссии включилась и самая известная в прошлом заложница И.Бетанкур. Касаясь «третьего срока», она заметила, что это дело самих колумбийцев. Свою лепту в полемику внес и венесуэльский общественный деятель Ф.Очоа Антич, предложивший Урибе отказаться от намерений баллотироваться на третий срок. В настоящее время предпринимается попытка вновь внести поправку в Конституцию.

Это поветрие в той или иной степени затронуло и Уругвай. Теперь и там набирает обороты полемика вокруг второго срока нынешнего главы государства Т.Васкеса под предлогом успешного правления, которое завершается в конце 2009 г. Несмотря на запрет, предусмотренный Конституцией, на немедленное выдвижение на второй срок, споры разгораются. Создано даже «Национальное движение за переизбрание Васкеса». Президент отрешивается от идеи пролонгации полномочий. Руководство фронта, в свою очередь, пытается достичь консенсуса в данном вопросе. Аргументы приверженцев пролонгации мандата сводятся к тому, что ни один из претендентов (Д.Астори из умеренного крыла Широкого фронта и Э.Мухика из «Движения народного участия») не обладает авторитетом Васкеса. Сторонники этой линии действуют весьма энергично, настаивают на том, что решающее слово должен сказать народ. Если удастся собрать свыше 250 тыс. подписей, то проект реформы может быть вынесен на референдум. Эти шаги координирует троцкистская Революционная рабочая партия. Но раздаются и трезвые голоса. Одна из активисток Широкого фронта, придерживающаяся противоположной точки зрения, высказалась весьма категорично: «Ротация политиков у власти — непереманный атрибут демократической системы».

В Коста-Рике, славящейся демократическими традициями, в 2006 г. истеблишмент в попытке предотвратить приход к власти левоцентристского лидера О.Солиса, диссидента Партии национальное освобождение, был вынужден предпринять неординарный шаг. Он добился реформирования Основного закона, запрещавшего вторичное избрание президентом лица, ранее занимавшего такую должность. Соответственно на этот пост выдвинулся политический тяжеловес О.Ариас, который с микроскопическим преимуществом одолел конкурента. Эта операция была осуществлена в обход парламента, лишь с одобрения конституционной палаты Верховного суда, вызвав протесты оппозиции и организаций гражданского общества.

Но имеются и примеры иного рода. Среди безупречных в этом отношении стран следует выделить Мексику, где срок пребывания главы государства на своем посту — шесть лет — сохраняется в течение длительного времени, и ни один президент не пытался реформировать Конституцию и тем более баллотироваться на второй срок. К тому же ряду можно причислить и Бразилию, где после ухода военных строго соблюдаются демократические нормы. Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок, осмелюсь утверждать, что непомерное продление полномочий первых лиц государства представляет собой угрозу демократии, открывает дорогу к авторитаризму. Нельзя не согласиться с мнением известного исследователя Д.Соватто, который подчеркивает: «Укрепление и консолидация хрупкой латиноамериканской демократии достигаются не посредством харизматических и провиденциалистских лидеров, а качеством институтов, зрелостью граждан и высоким уровнем их политической культуры».

Н.А.ЯКОВЛЕВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

Особенности президентского правления в Аргентине

Прошел первый год четырехлетнего мандата президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер. Оценка этого президентства обществом, аналитиками, средствами массовой информации в целом негативна, доминирует мнение, что ей не удалось обрести собственное политическое лицо и выполнить хотя бы часть предвыборных обещаний. Нынешнее правление все чаще сравнивается с наиболее слабым за четвертьвековой период восстановления демократии президентством Ф. де ла Руа (декабрь 1999 — декабрь 2001 г.). Сделавшая успешную карьеру в конгрессе, блестящий оратор, юрист по образованию, К.Фернандес де Киршнер казалась способной внести коррективы в политическую жизнь Аргентины, сложившуюся за годы предыдущего правления и нуждавшуюся в обновлении. В ее предвыборной кампании делался упор на необходимость укрепления государственных институтов, большей открытости во внешней политике, в обществе были сильны ожидания диалога с властью, демонстрировавшей ранее высокую степень закрытости и конфликтности.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Скандалы, противостояния, конфликты, отставки сопровождали новое президентство весь 2008 год. После резкой реакции на «валихагейт» Кристина (так ее называют в Аргентине) сократила внешнеполитическую повестку, свела к минимуму публичную деятельность внутри страны и в течение двух месяцев подыскивала подходящий момент для «перезапуска» своего президентства. Наиболее интригующим моментом этого периода стало поведение экс-президента Н.Киршнера, а самым главным интересующим всех вопросом — кто реально управляет страной? Оставшийся без должности экс-президент создал что-то вроде параллельного управления. Принимая активное участие в руководстве действиями правительства и губернаторов, Н.Киршнер одновременно занимался поиском некоего легального статуса для оправдания своего лидерства. Подходящим показался вакантный пост председателя Хустисиалистской партии. В этом качестве Н.Киршнер с узким кругом доверенных членов кабинета и с одобрения Кристины 11 марта 2008 г. принял спонтанное и роковое для нового президентства решение о повышении экспортного налога на некоторые виды продукции агропромышленного сектора экономики в поисках средств для пополнения казны. Последствием этого решения стало длительное (более четырех месяцев) драматичное противостояние правительства с трудящимися АПК, которых поддержали и другие слои общества. Попытка президента оправдать действия членов кабинета оказалась крайне неудачной: народ, как и в 2001—2002 гг., вышел на улицы. В эти месяцы, стремясь помочь Кристине справиться с ситуацией и взять ее под свой контроль, Н.Киршнер появился на публике, выступая с обвинительными речами, организуя митинги с привлечением проправительственных параполицейских формирований, твердо отстаивая при-

нятое решение, чем окончательно подпортил имидж президента. В стране заговорили о «двойном командовании», рейтинг обоих Киршнеров упал до 20% (а по отдельным данным, и до 10%). К.Фернандес де Киршнер потеряла доверие не только средних городских слоев, которые в большинстве своем и не были ее электоральной базой, но и жителей аграрных районов, обеспечивших ее победу на выборах. Таким образом закончился первый этап президентства, по итогам которого деятельность нового президента, в соответствии с социологическими опросами, не получала одобрения у 70% опрошенных, 80% находили главу государства излишне высокомерной и неспособной к диалогу с обществом и только 16% верили в независимость принимаемых ею решений (21% считал, что решения принимает Н.Киршнер, 57% — что решения принимаются совместно).

Н.Киршнер, по совету доверенных людей периодически уходивший в тень, тем не менее не выпускал из своих рук рычаги управления, однако ухудшение экономического положения страны вновь вернуло его на первые роли. Известно, что слабым местом К.Фернандес де Киршнер являются экономические премудрости, и даже за семейный бюджет всегда отвечал Н.Киршнер. Страсть экс-президента к экономике дошла до того, что за пять с половиной лет его правления сменилось пять министров экономики, но бессменным министром экономики де-факто всегда был сам Н.Киршнер, осуществляющий ежедневный контроль над финансами государства. Оскудение государственной казны потребовало принятия новых экстренных мер для ее пополнения. В условиях отсутствия источников внешнего финансирования правительство Киршнеров изыскивало внутренние резервы, приступив к национализации крупных компаний, в том числе иностранных, и деприватизации частных фондов, что вызвало волну критики за рубежом.

В тот момент речь уже не шла о двойном командовании, ответ на вопрос, кто реально управляет страной, стал очевидным. Н.Киршнер стал президентом де факто, оставив за Кристиной представительские и ораторские функции (за год своего президентства К.Фернандес де Киршнер произнесла 322 речи и получила прозвище «президент анонсов и невыполненных обещаний»). Узурпация власти экс-президентом все чаще вызывает нарекания со стороны оппозиции, которая существенно усилилась в последние месяцы из-за действий правящего дуэта. Экс-президент Э.Дуальде, крестный отец киршнеризма, выгнанный в свое время губернатором провинции Санта-Крус для участия в президентских выборах 2003 г. и оказавший ему всемерную поддержку, сегодня публично признает свои действия ошибочными. Последовательный критик власти, лидер оппозиционной партии Гражданская коалиция («Coalición cívica», СС) Э.Каррио обвиняет Н.Киршнера и его окружение в незаконном обогащении, коррумпированности и антиконституционном захвате власти, квалифицирует его как диктатора, а президента страны как марионетку. Переживший «минуту славы» в связи с историческим «voto positivo» при голосовании в сенате по резолюции № 125 (о повышении экспортных налогов), вице-президент Хулио Сесар Кобос призывает к развитию демократии, общественному консенсусу и большей самостоятельности действующего президента. Рейтинг вице-президента растет, как на дрожжах. По мере усиления нападков со стороны экс-президента он превращается в политика национального масштаба и может сегодня с оптимизмом смотреть в 2011 г. — год президентских выборов.

В целом надо признать, что конфликт с фермерами послужил катализатором многих политических процессов в зачищенном политическом пространстве киршнеризма: от появления новых, более харизматических, чем сами Киршнеры, политических фигур до возрождения других ветвей власти, полномочия которых были узурпированы или существенно ограничены. Судебная власть приняла несколько самостоятельных решений, идущих вразрез с президентской линией, Национальный конгресс, который ранее котиrowался лишь как «нотариальная контора», штампующая решения президента и правительства, превратился в востребованный институт, исполняющий роль посредника между властью и обществом, от которого впервые за долгое время реально стала зависеть социально-политическая обстановка в стране. Начался период перегруппировки элит.

Однако в сентябре процесс политического возрождения был приостановлен: Киришнерам удалось частично повернуть ситуацию в нужное им русло, дисциплинировать губернаторов, приструнить при помощи денег и партийной дисциплины депутатов и сенаторов. Более того, власти, отрицавшие поначалу наличие в стране кризиса и рассуждавшие о преимуществах своей «продуктивной модели», в конце концов были вынуждены признать, что мировой кризис задел и Аргентину, и, воспользовавшись этим обстоятельством, смогли провести через конгресс пакет крайне сомнительных законов, в частности, о переходе в руки государства авиакомпании «Aerolíneas Argentinas», о национализации частных пенсионных фондов, о продлении режима чрезвычайного экономического положения и суперполномочий исполнительной власти, о легализации незаконно вывезенных капиталов в случае их возвращения.

Принятие указанного пакета законов было связано с необходимостью власти аккумулировать значительные средства на предстоящие в 2009 г. частичные парламентские выборы. Поскольку репутация правительства и властного тандема в глазах электората значительно подорвана, а в условиях кризиса может произойти дальнейшее падение рейтингов, они вынуждены играть на опережение и вырвать у оппозиции инициативу в борьбе за голоса избирателей. Выборы 2009 г., по всеобщему мнению, должны дать ответ на вопрос, сможет ли киришнеризм удержаться у власти на сколько-нибудь длительный срок и до какой черты способен пойти для ее сохранения.

Можно констатировать, что в последние шесть лет в Аргентине сформировалась полувластительная, волонтаристская модель управления с гипертрофированными полномочиями исполнительной власти, осуществляемой матримониальным дуэтом, что противоречит действующей Конституции. Законодательная и судебная власти, за исключением отдельных случаев, выступают в качестве подчиненных придатков исполнительной власти, чем ставится под сомнение соблюдение принципа разделения властей. *Слабость институтов является главной проблемой аргентинской демократии.* Возрастает централизм в управлении провинциями в ущерб федерализму, губернаторский корпус напрямую зависит от подачек госказны. Оппозиция, хотя и предпринимает попытки к объединению, пока не имеет ни новых ярких лидеров, способных играть первые роли, ни альтернативных модернизационных программ развития. Партийная система, несмотря на существование более 700 зарегистрированных партий и объединений, находится в перманентном кризисе, сложные процессы происходят в правящей перонистской партии, лидерство в которой Н.Киришнера не является бесспорным. Исполнительная власть, как и другие институты, не пользуется доверием населения.

Л.В.ДЪЯКОВА, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

Государство и гражданское общество Чили перед современными вызовами

На протяжении XX в. в Чили формировалась традиция развитого гражданского общества, которая включала: принципы социальной солидарности, взаимопомощи, гражданской активности, стремление участвовать в решении муниципальных проблем. В какой-то степени эта активность была специально «подогрета» целенаправленной политикой президентов Э.Фрея Монтальвы и С.Альенде, стремившихся включить широкие слои населения в социально-политическую жизнь.

В годы военного режима в условиях жесткой экономической политики социальная солидарность помогала обществу выживать. В бедных кварталах городов действовали сотни микрообъединений: «соседские кухни» и закупочные объединения, центры взаимопомощи; соседские общины представляли собой разветвленную низовую социальную сеть — важнейший уровень настоящего гражданского общества. Крупные неправительственные организации были связаны в основном с правозащитным движением, поддер-

живали образовательные и гуманитарные проекты, но проблемы выживания люди решали сами, опираясь на собственную трудовую этику и «культуру солидарности».

В течение 90-х годов наряду с процессом демократизации и быстрым экономическим развитием в чилийском обществе произошли и серьезные перемены. Сформировался мощный средний класс; социальная политика демократических правительств привела к значительному (в два раза!) сокращению бедности и нищеты. По многим показателям общество стало более современным, образованным, благополучным. В то же время, известные чилийские социологи и политологи (М.Лагос, К.Унееус, П.Сильва, Х.Гомес Лейтон), детально анализируя это общество сегодня, приходят к неутешительным выводам о низком уровне гражданственности и политического участия, об эрозии той самой «культуры солидарности», которая была неотъемлемой частью жизни чилийцев еще 15—20 лет назад. «Фрагментированное неолиберальное общество в состоянии риска», — к такому обобщенному выводу приходят исследователи, представляющие различные школы и политические ориентации.

Для этого общества характерны высокая укорененность неолиберальных ценностей в сочетании с низкой гражданской культурой и растущей политической апатией; «бегство» в частную жизнь и частное пространство, противоположное «уличной» активности прошлого; замена политического участия успешным участием «в рынке» — системах кредитов и потребительском буме. Это общество стало менее религиозным (69% в 2007 г. считали себя католиками в отличие от 79% в 2006 г.); увеличилась его терпимость по отношению к абортам, разводам, гомосексуальным связям; значение брака в массовом сознании уменьшилось с 84% в 1990 г. до 69% в 2006 г. Тем не менее, традиционные ценности, сосуществуя с новыми взглядами и моделями поведения, продолжают играть большую роль в жизни широких слоев населения.

Современные чилийцы отличаются низким уровнем межличностного доверия: в 1990 г. 22% опрошенных ответили, что могут доверять большинству людей; в 2006 г. — только 12%. При этом рейтинг доверия различным институтам, по данным социологических опросов, следующий: полиции доверяют 70% респондентов; церкви — 69%; вооруженным силам — 62 % (!); президенту — 54%; правительству — 45%; конгрессу — 28%; политическим партиям — 20%. Для молодежи характерен высокий уровень абсентеизма и политической апатии: их не привлекает ни одна из ведущих партийных коалиций.

В социальном плане общество остается жестко структурированным, с невысоким уровнем вертикальной мобильности: жизнь и карьера человека в значительной степени определяются тем районом, где он родился и вырос. Как и несколько поколений назад, из десяти молодых людей, происходящих из семей, где никто не имеет высшего образования, лишь двое могут его получить (а хотели бы семь человек). Надежды и ожидания в плане гармонизации социальных противоречий не оправдываются: несмотря на значительные усилия и успехи правительства по преодолению бедности, чилийское общество остается одним из самых социально поляризованных в Латинской Америке.

Массовые волнения студентов и школьников в мае-июне 2006 г., вызванные недовольством старым законом об образовании, и многочисленные протесты 2008 г., связанные с новой редакцией закона об образовании, по мнению чилийских авторов, ничего не говорят о политической активности или гражданском участии. Эти волнения были лишь стремлением частично, а не кардинально улучшить существующую систему образования, и поэтому, как считают политологи, имеют мало общего с подлинно гражданской позицией и понятием солидарности.

Все эти мнения противоречат официальному дискурсу правительства и оптимистическому тону выступлений последних президентов — Р.Лагоса и М.Бачелет, которые вполне справедливо делали акцент на цифрах и конкретных социальных мерах в области образования, социального обеспечения, здравоохранения, повышения доступности благ развитого общества для беднейших категорий населения. Однако насколько в принципе осуществим проект «Чили для всех», с которым приходила к власти М.Бачелет? И какая

роль отводится в его реализации собственно гражданскому обществу, а не правительственной политике? На эти вопросы нет однозначного ответа. Однако портрет общества, нарисованный чилийскими авторами, наводит на размышления о том, насколько в современных условиях востребованы социальные ценности, сформированные другим временем.

Э.Е.КУЗНЕЦОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

Новые формы взаимодействия государства и «коллективного эмигранта»

В 90-е годы XX в. в ряде стран Латинской Америки и Карибского бассейна начали складываться новые формы взаимоотношений государства и гражданского общества, причем участниками этого процесса стали как латиноамериканские граждане, временно выехавшие за границу на заработки, так и эмигранты, получившие гражданство в стране проживания. Основных причин, побудивших государственную власть разных уровней — местного и федерального — пойти на взаимодействие с эмигрантскими организациями гражданского общества, было несколько: бурный рост миграции в последние два десятилетия и, в частности, отъезд квалифицированных специалистов, что не могло не сказываться на экономическом развитии государств региона. Важное значение имело резкое увеличение денежных переводов в страны региона (по официальным данным в 1980 г. они составляли немного больше 1 млрд долл., в 2003 г. — больше 30 млрд долл., а в 2005 г. — свыше 54 млрд долл.). Все это вынуждало государство налаживать диалог с гражданскими объединениями, а иногда и выступать инициатором совместного решения обострившихся в результате экономической модернизации социальных проблем. Процесс был обоюдовыгодным: с одной стороны, мигранты, поддерживая связь с родиной, материально помогали своим семьям, родственникам, а с другой — содействовали развитию социальной инфраструктуры на местном уровне, открытию культурных центров, школ, библиотек, домов для инвалидов и престарелых. Это позволило исследователям данной проблемы говорить о появлении нового социального субъекта — «коллективного эмигранта».

Мексика является наиболее ярким примером подобного процесса. В 2000 г. число мексиканских эмигрантов только в США превышало 9 млн человек, а уже через пять лет их было свыше 11 млн. На Мексику вместе с Бразилией и Колумбией приходится больше 60% всех денежных поступлений от эмигрантов в регионе. В начале XXI в. в США существовало более 700 мексиканских клубов, объединивших 5% эмигрантов, причем по социальному составу они отличались от подобных организаций эмигрантов из других латиноамериканских стран. Первые объединения — клубы мексиканских эмигрантов — появились в 60-е годы прошлого века на юге Калифорнии. Их создавали выходцы из мексиканского штата Сакатекас, который до сих пор занимает первое место по интенсивности миграции (кстати, оттуда больше всего выезжает за границу женщин, и на этот штат приходится самый высокий процент домохозяйств, получающих денежные переводы). Клубы образовали федерацию, которая за счет отчислений от переводов («коллективные пожертвования») начала поддерживать в родном штате Мексики церковь, проведение праздников и спортивных мероприятий и т.д. В 1992 г. мексиканское правительство в развитие этой инициативы принимает «Программу 2+1», которая предполагала на каждый доллар, внесенный эмигрантом, взнос по одному доллару от правительства штата и федерального правительства. Основной целью программы было развитие социальной инфраструктуры. В 1999 г. к этой программе присоединилась муниципальная власть («Программа 3+1»). За десять лет было реализовано более 1 тыс. проектов в 35 муниципалитетах штата.

В 2001 г. при президенте Фоксе «Программа 3+1» была принята на федеральном уровне, что позволило направлять средства на производственные проекты, а также больше учитывать интересы и потребности местных жителей. Только за первые три года (с 2002 г.) существования федеральной программы в работу включилось более 500 клубов и федераций мексиканских мигрантов в США и Канаде. В самой Мексике программа действует в 23 штатах, а число проектов выросло больше, чем на 30%.

Одна из старейших организаций мигрантов — Федерация клубов мигрантов из штата Сакатекас на юге Калифорнии — содействует развитию в родном штате предпринимательской культуры, созданию микропредприятий, устанавливает студенческие стипендии, а главное поддерживает тесные отношения с местными властями и организациями гражданского общества. Мексиканское государство проявляет большую заинтересованность в развитии подобной деятельности и оказывает финансовую и институциональную поддержку своим эмигрантам в создании подобных организаций.

Определенное сходство с мексиканской имеет сальвадорская программа «Объединенные солидарностью», в которой участвуют общины мигрантов, местные организации и центральное правительство. Средства, вносимые участниками программы, распределяет Фонд социальных вложений в местное развитие: организуются открытые конкурсы, цель которых наиболее продуктивно использовать денежные переводы из-за рубежа, содействовать развитию социальной инфраструктуры.

В отличие от Мексики и Сальвадора в Колумбии действует (независимо от государства) неправительственная организация «Колумбийская связь», которая создала социальную сеть в Интернете для связи с колумбийцами за рубежом. Помимо публикации статей о положении в Колумбии, оказания юридической помощи и организации дискуссий, она переводит через фонды, не преследующие целей обогащения, пожертвования мигрантов на решение местных социальных проблем, а также предоставляет возможность выйти на организацию, созданную совместно правительством и 90 предприятиями для сбора финансовых средств и содействия развитию.

Л.В.ПЕГУШЕВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

Гендерное измерение социальной проблематики

Одна из актуальных проблем современной Латинской Америки — выравнивание социальных ролей мужчин и женщин, их равенство в семье, на рынке труда, в общественной жизни. Заметный прогресс в решении этого вопроса наметился в конце прошлого века, хотя борьба за равноправие женщин в семье и обществе в странах региона насчитывает более чем вековую историю.

Немалый вклад в эту борьбу, особенно на первых этапах, внесли международные и региональные общественные феминистские организации, движения за права человека, отдельные выдающиеся деятели. Процесс глобализации — при всей его противоречивости и неоднозначности — ускорил взаимообмен опытом между регионами и странами и дал импульс поиску решений. В 1977 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Конвенцию по искоренению всех форм дискриминации женщины», которая была ратифицирована всеми латиноамериканскими государствами, что послужило стимулом для учета гендерных вопросов при разработке государственной социальной политики.

Роль государства и государственной гендерной политики в области выравнивания социального положения мужчины и женщины трудно переоценить, хотя, в силу специфики гендерной проблематики, даже государство не способно решить эту проблему «окончательно». Однако соответствующая государственная политика может, преодолевая обычаи и сопротивление консервативных институтов в традиционных, патриархальных обществах, обеспечить женщине достойное положение полноправного члена семьи и национального социума.

Долгое время международные и региональные мероприятия и решения, посвященные гендерной проблематике, носили, в основном, вербальный характер, но подготавливали почву для адаптации общества и семьи к идее социального равенства мужчин и женщин. К концу столетия основные объективные предпосылки социального равноправия женщин сплелись в единый узел, обеспечив условия для практической реализации необходимых законодательных инициатив.

Главной предпосылкой и основанием изменения социального статуса женщин являлся их массовый выход на рынок труда в период модернизации экономик латиноамериканских стран в 80—90-е годы. Положение женщин в тот период характеризовалось открытой дискриминацией в вопросах найма, оплаты, защиты труда, что усугубляло негативные социальные последствия неолиберальных экономических преобразований и требовало внимания и вмешательства со стороны национальных правительств и региональных организаций. На женщину к тому времени «работали» несколько факторов. Первый — успехи многолетней политики латиноамериканских государств в области образования, в результате которой женщины даже немного превосходили мужчин по числу получивших среднее и высшее образование. Второй — демографический, т.е. медленное, но неуклонное снижение рождаемости в странах региона, особенно наиболее развитых. Какой бы замедленной ни была эта тенденция, она стимулировала экономическую и социальную активность женщин. К тому же наблюдался кризис института семьи в ее традиционной и патриархальной форме.

Совместив экономическую активность с репродуктивной функцией и традиционными семейными обязанностями, женщина оказалась в центре треугольника «государство — рынок — семья» в тот исторический момент, когда ни государство, ни рынок, ни семья не были способны защитить ее интересы. В первую очередь несоответствие касалось государства. Фрагментарность и малоэффективность государственной гендерной политики и систем социальной защиты в конце прошлого века были тормозом на пути достижения женщиной равного с мужчиной положения, а в новых условиях постиндустриального развития — это тормоз и для национального развития в целом. О понимании правящими кругами латиноамериканских стран этой взаимосвязи и зависимости свидетельствует продолжающаяся активная разработка (на национальном и региональном уровнях) законодательной базы и практических мер по выравниванию социальных ролей мужчины и женщины.

А.Н.ПЯТАКОВ, кандидат политических наук, научный сотрудник ИЛА РАН

Социальная политика стран блока ALBA

Социальная политика — важнейший канал обратной связи в системе «государство — общество», наиболее прозрачная и понятная часть внутренней политики государства, по характеру которой общество может судить о функциональности государства, о его действиях и намерениях в отношении самого общества. Социальная политика является своего рода нервом внутренней политики: именно здесь пересекаются и сталкиваются многие политические и экономические интересы. В наиболее явной и заметной форме «воспаление» этого общественного нерва можно было наблюдать в Боливии в середине 2008 г. Правительство Э.Моралеса, следуя за Венесуэлой, заявило о намерении перераспределить доходы, получаемые от экспорта нефти и газа, и направить часть средств на реализацию социальных программ. Одной из первых мер в этом направлении должна была стать пенсионная программа «Пенсия достоинства». Ресурсы на нее было решено взять из прибыли от нефтегазового экспорта, большую часть которой получают провинции Полумесяца. Именно это решение стало катализатором острейшего внутривнутриполитического кризиса, разразившегося в стране в конце лета — начале осени 2008 г.

Начиная со стадии разработки ALBA и с момента заключения первого двустороннего соглашения между Венесуэлой и Кубой в декабре 2004 г., проект на международной арене позиционируется как интеграционный, ориентированный на решение социальных проблем, в центре внимания которого находится борьба с бедностью и социальной исключенностью.

По степени самостоятельности и независимости проведения социальной политики страны — члены блока ALBA можно разделить на три группы. В первую входят политические лидеры ALBA — Венесуэла и Куба. Их социальная политика представляет собой сложную многоуровневую систему мер. При этом большая часть медицинских программ Венесуэлы осуществляется кубинскими специалистами (среди персонала медицинских и образовательных социальных миссий Венесуэлы 70—80% составляют кубинские специалисты), поэтому в плане обеспеченности человеческими и техническими ресурсами Венесуэла зависит от Кубы. Во вторую группу стран входят Боливия и Никарагуа. Здесь часть социально-экономических программ финансируется Венесуэлой. Куба оказывает материально-техническое и «человеческое» содействие в области образования и медицины. Социальная политика Боливии и Никарагуа представляет собой не столько систему, сколько совокупность мер в социальной сфере, темпы и глубина осуществления которых зависят от внутренней политической и экономической конъюнктуры. Наконец, третью группу стран — членов ALBA по степени самостоятельности социальной политики составляют Гондурас и Доминика. Можно сказать, что одним из определяющих мотивов вхождения этих государств в блок был расчет на то, что, в случае присоединения к ALBA, при финансовой и нефтяной поддержке Венесуэлы там начнут осуществляться более или менее эффективные социальные программы.

В Венесуэле — политическом и экономическом ядре ALBA — социальная политика осуществляется в форме так называемых «социальных миссий». Их можно определить как государственные программы, направленные на решение неотложных социальных проблем с целью повышения уровня развития страны.

Термин «миссия» многозначен и выбран неслучайно. Он используется и в международном контексте, и при рассмотрении внутривнутриполитических процессов. За годы неоллиберализма в общественном сознании сложилось ощущение отчужденности государства от общества. Социальные миссии Венесуэлы, призванные преодолеть эту пропасть, являются своего рода миссиями государства в общественной жизни. Первые шесть миссий стартовали в период сложнейшей экономической ситуации 2003 г. после крупнейшей забастовки в нефтяном секторе, за время которой страна потеряла 24% ВВП. К концу 2008 г. осуществилось уже 24 миссии. Они охватывают практически все сектора социальной сферы, поэтому можно говорить о том, что социальная политика Венесуэлы носит системный характер.

Главная проблема, с которой сталкиваются социальные миссии, — это противоречие между заявленным всеобъемлющим характером и реальным довольно ограниченным вовлечением населения в поле их деятельности. Например, первой и, пожалуй, центральной медицинской социальной миссией — «Внутрь квартала», обеспечивающей первичное медобслуживание, — в 2004 г. было охвачено 30% населения, а в 2007 г. этот показатель снизился до 22%. Если в начале проведения миссии медицинские центры работали круглосуточно, то к 2008 г. прием населения осуществлялся только четыре часа в сутки, причем спектр предоставляемых услуг существенно сократился. Вместе с тем, нельзя пройти и мимо цифр, иллюстрирующих явные достижения в социальной сфере. Именно благодаря образовательным миссиям число обучающихся в школах с 1998 по 2006 г. увеличилось в девять раз. Подобная деятельность государства была одобрена обществом. Ярчайшим примером, подтверждающим это, можно считать позицию главного противника Чавеса М. Росалеса, который во время предвыборной кампании в 2006 г., стремясь опереться на широкие социальные слои, обещал поддержать проводимые в стране миссии в случае избрания его президентом. Миссии внесли суще-

ственный вклад в снижение уровня бедности с 2002 по 2006 г. на 18,4% и уровня нищеты за тот же период на 13,2%.

Некоторые авторы видят в социальных миссиях новую форму клиентелизма, когда государство-патрон обслуживает интересы общества-клиенты в обмен на электоральную поддержку. Это все же довольно схематичная и односторонняя интерпретация. Миссии не являются прерогативой государства. В их проведении большое участие принимают представители гражданского общества, низовых структур, иными словами, простые люди. Миссии Венесуэлы — это пересечение двух инициатив: сверху (государства) и снизу (общества), они носят общественно-государственный характер. Данную модель отношений можно определить как патерналистско-партиципативную, в рамках которой государство проявляет патернализм по отношению к обществу при соблюдении базовых принципов партиципативной демократии.

В.Н.ЛУНИН, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН

Панама: роль государства в обновлении политической системы

В этой центральноамериканской республике после вооруженной интервенции США в декабре 1989 г. и падения военной диктатуры генерала Норьеги зримые черты обрела двухпартийная система с периферийной спецификой в том смысле, что две основные партии — Революционно-демократическая (Partido Revolucionario Democrático, PRD) и Панамистская (Partido Panamista, PP), — у истоков которых стояли две харизматические личности, сыгравшие колоссальную роль в истории страны, — генерал Омар Торрихос Эррера и Арнульфо Ариас Мадрид — являются своего рода стержневыми осями политической системы. Именно из лона этих партий неизменно, вплоть до выборов 3 мая 2009 г., выдвигались реальные претенденты на пост президента республики. Кандидаты от PRD и PP, побеждавшие на выборах, поочередно находились у власти. При этом действующий президент, согласно Конституции, не имеет права быть переизбранным. Периферийная специфика двухпартийной системы заключалась в том, что в Панаме побеждавшие партии неизменно приходили к власти в составе возглавлявшихся ими партийных коалиций. Кроме того, именно эти две партии обладали и наибольшим количеством депутатских мандатов в парламенте. Причем PRD, самая крупная по численности политическая партия страны, после всеобщих выборов 2004 г. впервые в истории завоевала большинство мест в Национальной ассамблее, преодолев свой «исторический предел» (одна треть электората). Но на выборах 2009 г. она вновь откатилась к нему, располагая, тем не менее, наибольшим количеством депутатских мандатов в сравнении с другими отдельными политическими партиями и являясь теперь основной оппозиционной силой в парламенте по отношению к правящей коалиции.

В этом контексте всеобщие выборы 2009 г. стали политическим барометром эффективности существующей политической системы, качества панамской демократии, ибо впервые нарушена традиция, когда кандидатом в президенты от оппозиции стал не лидер ведущей оппозиционной партии — PP, а председатель другой, менее крупной партии — Демократическая перемена, предприниматель Рикардо Мартинелли, объединивший вокруг своей кандидатуры основные оппозиционные силы. Правившая партия — PRD, также образовавшая межпартийную коалицию, впервые выдвинула в качестве кандидата в президенты женщину — Бальбину Эрреру, но она потерпела неудачу на выборах, завоевав лишь 37,7% голосов в сравнении с 60%, набранными Р.Мартинелли.

Программы коалиций на выборах отличались незначительно, особое внимание уделялось скорее кандидатам, чем платформам. Тем более, что сменявшие друг друга у кормила власти партийные коалиции во главе с PRD или PP проводили правительственный курс в русле нелиберальных преобразований и «Вашингтонского консенсуса».

менялись лишь некоторые приоритеты. В частности, правительству Мартина Торрихоса (2004—2009 гг.) удалось в определенной мере воспользоваться благоприятной экономической конъюнктурой и несколько сократить масштабы бедности в стране. Тем не менее, эта проблема остается наиболее острой, особенно в контексте глобального экономического кризиса, наряду с ростом преступности и общей социальной уязвимостью демократических режимов не только в Панаме, но и в других странах Латинской Америки. От сбалансированности так называемого «латиноамериканского треугольника» (демократия — безопасность — неравенство), являющегося ключевым элементом в политике конституционных режимов, и зависит перспектива утверждения панамской модели демократии, электоральная компонента которой является наиболее успешной. В идеологическом отношении в политический спектр Панамы входят партии (с небольшими оговорками) от левого центра (PRD) до правого центра (PP), при этом либеральные движения различного толка также нашли свое место на политическом поле, входя в состав той или иной коалиции. Традиционные левые (коммунисты и социалисты троцкистского толка) оказались за пределами сложившейся политической системы, не сумев набрать требуемого избирательным законодательством числа сторонников и страдая от извечной болезни — сектанства.

Исключительно важную роль в обновлении политической системы Панамы играет такой государственный орган, как Избирательный трибунал (ИТ) в составе трех судей, избираемых тремя основными ветвями власти — исполнительной, законодательной и судебной. При этом ИТ прошел тернистый путь от дискредитировавшего себя придатка исполнительной власти до полностью автономного политического института, пользующегося высоким авторитетом как внутри страны, так и за ее пределами. Свидетельством этого служат неоднократные приглашения членов трибунала в качестве экспертов и консультантов на выборы в другие страны, в том числе вне американского континента. ИТ приложил колоссальные усилия к тому, чтобы не только завоевать престиж в гражданском обществе, но и обеспечить правовое поле и транспарентность выборов, беспристрастный подсчет голосов, придать демократическую устойчивость политической системе. Неслучайно, все избирательные кампании, прошедшие в стране после падения военного режима, высоко оценивались международными экспертами, а по индексу электоральной демократии Панама неизменно входит в число лидеров среди латиноамериканских республик. ИТ, проанализировав опыт политического развития собственной страны и других государств, принял целый ряд нововведений, потребовавших договоренностей с политическими партиями, организациями гражданского общества и законодательного одобрения парламентом. Среди мер, осуществленных по инициативе ИТ, следует отметить введение единого бюллетеня со всеми кандидатами и партиями, создание корпуса электоральных делегатов из независимых добровольцев по примеру Коста-Рики, Национального совета политических партий, обязательное избрание мэров прямым голосованием, введение государственного субсидирования деятельности политических партий, обязательные первичные выборы в партиях для выдвижения своих кандидатов в президенты и др. В ответ на настойчивые требования независимых избирателей покончить с фактической партийной монополией на политическую деятельность (только партии имели право выдвигать кандидатов на парламентских и президентских выборах до самого последнего времени) ИТ в нынешней избирательной кампании впервые разрешил независимым кандидатам баллотироваться в депутаты Национальной ассамблеи. Уникальным достижением ИТ является передача исполнительной властью в его распоряжение полицейских сил за неделю до выборов и вплоть до объявления окончательных результатов голосования. ИТ сыграл центральную роль в модернизации политической системы республики. Тем не менее широкие реформы избирательного законодательства, деятельности политических партий давно ставят на повестку дня вопрос о созыве Конституционной ассамблеи для закрепления преобразований политической системы и пересмотра действующей Конституции, принятой еще при военных в 1982 г.

**А.Е.ПРОЦЕНКО, кандидат политических наук, научный сотрудник
ИЛА РАН**

Мексиканское государство перед вызовами преступности и насилия

С начала президентского срока Ф.Кальдерон провозгласил основным направлением своей деятельности борьбу с организованной преступностью и коррупцией. Подобные начинания не являются новшеством для Мексики — скорее, они традиция для вступающих в должность президентов. В 2000 г. кампанию по «беспощадной войне с оргпреступностью» уже объявлял В.Фокс Кесада.

«В наследство» от предшественника Кальдерону досталось фрагментированное государство с многочисленными преступными группировками. В политическом смысле по итогам выборов 2006 г. страна оказалась расколота на два блока: сторонников победившего президента и поддержавших лидера оппозиционной партии PRD Л.Обрадора. С экономической точки зрения Мексика продолжает оставаться разделенной на две части: развитый Север и отсталый Юг. Деятельность наркокартелей и преступных группировок добавила в это деление третье измерение: приграничье, которое, зачастую, живет по своим правилам, далеким от законных. Помимо внутренних аспектов, важную роль играет внешний фактор географического детерминизма. Действия США направлены не только на охрану своей южной границы, но и на поддержание общего североамериканского периметра безопасности, включающего в себя мексиканское «мягкое подбрюшье» вплоть до границ с Гватемалой и Белизом. «План Мерида», предполагающий финансовую и техническую помощь Мексике и Центральной Америки, стал индикатором того, что интересы безопасности Вашингтона простираются и на транзитный центральноамериканский коридор.

Масштабы наркобизнеса, организованной преступности и коррупции достигли уровня, который ставит их во главу списка угроз безопасности государства. Бесчинства преступных группировок накалили ситуацию и спровоцировали у населения потребность «в сильной руке». Кальдерон попытался продемонстрировать соответствие имиджу сильного президента с первых дней своего мандата. Ключевым моментом его стратегии стало широкое использование армейских подразделений в борьбе с преступностью и наркобизнесом. Президент старался лично поднять престиж и уважение к армии, в том числе и рекламными акциями. С этой целью в СМИ публиковались фотографии главы государства и членов его семьи в военной форме.

В целом в обществе сложилось неблагоприятное отношение к армии. Нередко в ходе операций армейских подразделений по борьбе с наркокартелями военнослужащие превышали должностные полномочия. В самой армии из-за невысокой заработной платы наблюдалась высокая текучесть кадров (только в 2007 г. уволились 17 тыс. человек). Печально известна история о частях специального назначения «Zetas». Начиная с 2000 г. бывшие солдаты спецназа «прославились» как высокооплачиваемые наемники крупнейших наркокартелей. За последние два года «войны с оргпреступностью и наркобизнесом» армейские части были задействованы в крупных операциях в штатах Герреро, Нуэво-Леон — Тамаулипас, Тихуана, в Чиуауа и т.д.

В СМИ широко освещаются кровавые эпизоды криминальной войны. Если по статистике за 2006 г. ежегодно в столкновениях с наркокартелями погибали около 2500 человек, то только с января по октябрь 2008 г. было зарегистрировано 4600 убийств. Судя по публикациям в мексиканской прессе, происходящее напоминает реальные боевые действия. Военные подразделения патрулируют улицы, солдаты врываются в дома и устраивают несанкционированные обыски. Блокпосты на дорогах, нервные армейские патрули, полицейские кордоны. Журналисты уже окрестили войну с организованной преступностью «войной террора с террором».

Показателем повышенного внимания правительства Кальдерона к проблеме борьбы с преступностью и наркобизнесом стало создание в середине октября 2008 г. Департамента национальной обороны (Sedena). Его штат может достигнуть 90 тыс. агентов. Согласно планам, агенты будут помогать полиции и армии до 2012 г., т.е. до момента, когда предполагается завершить полную реструктуризацию сил охраны правопорядка в стране.

Особым направлением плана по борьбе с преступностью стала война с коррупцией. По уровню коррупции (по данным «Transparency» за 2008 г.) Мексика занимает 72 место в мире. Мексиканские респонденты считают, что 74 из 100 государственных чиновников коррумпированы, более половины (54%) не чисты на руку, взятки являются обычным фактом в мире политики (55% политиков) и среди судей (45%).

И президент, и генеральный прокурор неоднократно отмечали, что всплеск насилия в стране связан с победами федеральных властей и агонией преступных группировок. Однако далеко не все согласны с этим утверждением. Около 40% граждан уверены, что увеличение количества убийств и похищений людей отражает беспомощность властей. Ситуация в стране обоснованно вызывает беспокойство как властей, так обычных и граждан.

Т.А.МЕДВЕДЕВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

Проблемы взаимоотношений государства и коренных народов в Венесуэле

Процесс активного вовлечения коренного населения в общественно-политическую жизнь как важный аспект развития латиноамериканских стран на рубеже веков затронул и Венесуэлу. Венесуэльские индейцы, численность которых составляет 535 тыс. человек, представляют относительно небольшую группу населения (2,3%), основная часть которой сосредоточена в 8 из 23 штатов страны. Всего в Венесуэле насчитывается более 40 индейских народностей. Большинство из них принадлежат к четырем языковым семьям (аравакской, карибской, чибча и тупи-гуарани). Примерно треть индейцев до сих пор проживают в местах традиционного обитания, остальные — в сельскохозяйственных регионах (39%) и в крупных городах (25%). Наиболее значительные группы сосредоточены в богатых природными ресурсами пограничных штатах юга и запада Венесуэлы: Сулия (62% всех индейцев), Боливар (9,4%), Амазонас (11%) и Дельта-Амакуро (5,8%), причем в двух последних представители коренных народов составляют соответственно 54,3% и 26,6% от общей численности населения.

Организованное индейское движение в Венесуэле зародилось в начале 1970-х годов. В 1989 г. был создан Национальный индейский совет Венесуэлы (Consejo Nacional Indio de Venezuela, CONIVE), объединивший около 60 региональных организаций. Под руководством CONIVE был выработан единый список требований о гарантиях политических, экономических, социальных и культурных прав индейских народов, вынесенный на всеобщее обсуждение в ходе заседания Конституционной ассамблеи в 1999 г. Это ознаменовало включение «индейской» проблемы в число важнейших вопросов государственной политики, что стало возможно во многом благодаря поддержке со стороны президента Чавеса, который еще в ходе предвыборной кампании 1998 г. выдвинул тезис о существовании «исторического долга» государства перед коренными народами Венесуэлы. В течение последующих лет CONIVE сохранял ведущую роль в диалоге с государственными структурами, однако вовлечение в политическую борьбу обострило противоречия внутри комитета, обусловленные как соперничеством между лидерами CONIVE и региональных организаций, так и сложным этническим составом индейского населения. Это привело к расколу CONIVE и ослаблению его влияния в ряде штатов. В частности, в региональных выборах, которые состоялись в ноябре 2008 г., приняли уча-

стие более 50 индейских организаций. Большинство — это местные и региональные объединения, однако два из них претендуют на роль общенациональных, хотя и значительно уступают CONIVE по количеству набранных голосов. Необходимо отметить, что, несмотря на наличие оппозиционных настроений, основная масса индейцев выражает поддержку правительству, подчас напрямую увязывая защиту своих интересов с дальнейшим пребыванием во главе страны президента Чавеса.

Основой государственной политики в отношении индейских народов был объявлен принцип «межкультурного взаимодействия» (*interculturalidad*). В Конституции 1999 г., впервые законодательно закрепившей комплекс юридических норм о гарантиях прав индейцев, нашли отражение многие из их требований. Были признаны первоначальные права индейских народов как предшественников венесуэльского государства и особый статус их культур как части культурного наследия нации, официальный статус индейских языков (для использования в индейской среде). Индейцам было гарантировано представительство в органах власти, право на сохранение традиционных форм хозяйства и общественной организации, на адаптированное к их нуждам образование и здравоохранение, предоставлены равные трудовые права. Эти положения получили развитие с принятием последующего законодательства и ратификацией основополагающих международно-правовых актов в данной сфере.

Государство стало принимать меры по улучшению условий жизни индейских общин, обеспечению им доступа к услугам здравоохранения и образования. Значительную помощь в этом оказали кубинские специалисты. Сложностями на данном пути являются, во-первых, необходимость охватить социальной политикой все индейское население, значительная часть которого проживает в труднодоступных регионах. Во-вторых, многие мероприятия (раздача еды, одежды, орудий труда, строительство жилья и др.) формирует у индейцев потребительскую модель поведения. Другим направлением государственной политики стала интеграция индейцев в различные общественные структуры. Лидеры привлекаются к сотрудничеству с правительственными органами, а массы вовлекаются в партийные организации «бוליварийской революции» и в создаваемую по всей стране унифицированную систему общинных советов (новых органов партисипативной демократии), на базе которых формируется параллельная, подконтрольная государству сеть новых общественных организаций. Целесообразность создания таких структур, подменяющих сложившуюся систему индейских организаций и подчас не вписывающихся в традиционную систему власти различных племен, вызывает сомнения. Помимо невысокой эффективности такой политики в плане стимулирования внутреннего развития (в частности, ввиду административно-технической неподготовленности индейцев) она в сочетании с распределительным характером многих социальных акций правительства ведет к разрушению традиционного уклада жизни общин.

Однако важнейшим вопросом взаимоотношений государства с индейскими народами остается оформление прав индейцев на занимаемые земли. Речь идет, в первую очередь, об экономически и стратегически значимых приграничных регионах. Стремления индейцев вступают в противоречие с политикой правительства, направленной на усиление контроля над этими территориями и освоение их природных ресурсов. В связи с этим, несмотря на взятые государством на себя обязательства, процесс разграничения земель происходит медленно и на условиях, отличных от тех, на которых настаивают индейцы. Правительством взят курс на упразднение особого статуса индейских земель, а решением проблемы продолжающегося вытеснения индейцев с занимаемых территорий должна стать стартовавшая в 2007 г. программа создания на базе вновь отстраиваемых поселений индейских сельскохозяйственных кооперативов, так называемых «социалистических общин».

Таким образом, при декларировании принципа межкультурного взаимодействия политика, проводимая правительством в отношении индейского населения, все более подходит к попытке «цивилизовать» индейцев сверху, становясь, по сути, новой версией патерналистского подхода (изменение традиционного уклада, внедрение официальной

идеологии). Учитывая малочисленность индейцев по сравнению с остальным населением страны, подобная политика может в скором времени привести к утрате культурной идентичности значительным числом индейских общин.

О.П.ПРОСЕЛКОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

Перу: угрозы для общества и государства

Реальными угрозами для перуанского государства и общества являются наркобизнес, терроризм и коррупция, относящиеся к тому типу социально-экономических явлений, избежать которых не смогла ни одна страна мира.

Борьба с наркобизнесом в Перу — вопрос крайне сложный, наркобизнес стал частью экономики этой страны и затрагивает не только экономические, но и политические, юридические, этнические и культурологические институты. Перу продолжает оставаться одним из основных поставщиков кокаинового сырья и чистого кокаина на мировой рынок, в этой стране сосредоточено около 1/3 площадей посадок коки в мире. С начала XXI в. наркобизнес Перу стал снабжать мировой наркорынок не только сырьем для производства кокаина, но и смог организовать внутри страны производство чистого кокаина. Существенная часть наркодолларов остается в стране и «отмывается» по хорошо отлаженным схемам. Наркодоллары являются тем самым «золотым ключиком», позволяющим наркодельцам внедрять «нужных людей» в государственные институты, оказывать влияние на СМИ, расширять и укреплять свои международные связи.

Влияние наркобизнеса на социально-экономическую ситуацию в Перу сложно оценить однозначно. Следует признать, что наркопроизводство имеет и некоторый положительный эффект. Около полумиллиарда долларов из доходов наркодельцов, остающихся в стране, инвестируется в экономические и социальные проекты, прежде всего, отдаленных районов, до которых «не доходят руки» государственных чиновников и деньги из бюджета. В той или иной мере наркобизнес обеспечивает занятость и определенный уровень достатка значительной части населения сельских районов.

Тем не менее, негативное влияние наркобизнеса на экономическую и прежде всего на социально-политическую жизнь страны в значительной мере превосходит все позитивные моменты. Наркобизнес является реальной силой, представляющей опасность для общества и государства, поскольку он уже не довольствуется лишь получением прибылей от торговли наркотиками, закреплением своих позиций в легальных отраслях экономики. Деньги и люди наркобизнеса участвуют в предвыборных кампаниях, оказывая помощь различным политическим силам как на муниципальном, так и на общегосударственном уровнях. При этом наркодельцы не отказываются от насилия и угроз, когда дело касается формирования юридическо-правовой базы контроля за незаконным оборотом наркотиков.

В среде перуанских военных и политиков существует устойчивое мнение, что наркобизнес — не самая страшная угроза, что более серьезную опасность представляет деятельность террористических организаций. В ряду реальных угроз для государства, общества и демократии Перу наркобизнес явно уступает угрозам, таящимся в разлагающемся влиянии коррупции, поразившей все институты государственной власти.

Проблема терроризма в начале XXI в. так же актуальна, как и в последней четверти XX в. Наибольшую опасность продолжает представлять ультралевая организация «Сендеро луминосо» — сильная, хорошо организованная, имеющая обширные международные связи, солидную социальную и финансовую базу. Ослабленная в 90-е годы, она, перегруппировав силы, смогла вписаться в современные условия. Боевики этой организации неоднократно вступали в столкновения с армейскими подразделениями и силами правопорядка. В 2007—2008 гг. небольшие отряды сендеристов активизировали действия в отдаленных районах страны, где в ходе столкновений террористов с

военными продолжают погибать люди. Другая организация — МРТА (Movimiento Revolucionario Tupac Katari) предпочитала действовать в городах и в связях с наркобизнесом замечена не была. Высшие судебные власти Перу квалифицируют ее деятельность как террористическую.

Коррупционные скандалы разного масштаба, имевшие место в последние годы в Перу, показывают, что у этого зла глубокие корни, и правительство не в силах справиться с ним. В марте 2007 г. президент А.Гарсиа даже был вынужден обратиться за помощью в международные структуры при расследовании фактов коррупции в министерстве внутренних дел и министерстве здравоохранения. Серьезный коррупционный скандал имел место в 2008 г., когда в отставку подал весь кабинет министров. В социально-политической реальности Перу существуют различные формы коррупции: экономическая, административная, политическая. В наркокоррупцию вовлечены госслужащие, чиновники, представители армии и полиции. Опыт Перу показывает, что борьба с наркобизнесом и терроризмом не даст реальных результатов до тех пор, пока коррупция не будет устранена (что маловероятно) или хотя бы серьезно ослаблена.

А.А.ШИНКАРЕНКО, научный сотрудник ИЛА РАН

Индейцы в конституционном процессе Эквадора

Приход к власти администрации президента Рафаэля Корреа вызвал неоднозначную реакцию индейских организаций Эквадора. Учитывая этносоциальную фрагментированность общества, Корреа стал уделять больше внимания проблеме национальной консолидации. Он неоднократно заявлял, что эквадорцы — это «единая нация, и необходимо уважать культуру и традиции коренного населения». Активные шаги по реализации индейской программы он предпринял осенью 2007 г., предоставив 7 тыс. га земли трем общинам народности шуар. На юго-востоке страны, в провинции Морона-Сантьяго, 400 индейских семей этой же этногруппы получили права собственников земли (общая площадь 150 тыс. га). Кроме того, титулы на землю были выданы амазонским народностям ауа и кофан. Таким образом, по итогам первого года правления Корреа в ряде эквадорских провинций частично удалось сократить растянутый на годы процесс рассмотрения, признания и внесения в национальный регистр собственности крестьянских и общинных земель. Однако этих мер оказалось недостаточно, чтобы существенно улучшить положение индейцев.

На рубеже 2007—2008 гг. был отмечен рост напряжения между центральным правительством и организациями из Конфедерации индейских народностей Эквадора (CONAIE). За кадровыми перестановками в руководстве CONAIE в начале 2008 г. последовали перемены в ее политике. Странников умеренной политики бывшего бессменного лидера объединения Луиса Макаса сменили молодые активисты во главе с 32-летним кичуа Марлоном Санти из амазонской общины Сараяку. Как пояснил в одном из интервью Хорхе Гуаман, глава партии Движение Пачакутик — политического крыла CONAIE, выбор кандидатуры Санти сторонниками традиционных организаций не был случайностью. Прежде всего, он должен «разбавить» представителей Сьерры выходцами из Амазонии. Дело в том, что интересы индейцев Андского нагорья всегда лоббировались одним из старейших участников движения — Ecuator runakunaraq rikcharimui (ECUARUNARI), руководимой Умберто Чоланго. В обстановке размежевания среди этнических лидеров правительство преследовало цель ослабить CONAIE — одну из сильнейших индейских организаций континента.

Такая позиция правительства вызвала негативную реакцию со стороны индейских организаций. Санти стал активно и резко критиковать правительство Корреа. Основной акцент Санти и его сторонники сделали на необходимости решения экологических проблем. Такой подход поддержали неправительственные организации и антиглобалисты.

Цель, которую преследует CONAIE, — полное прекращение нефтедобычи и другой производственной активности в амазонской сельве. Главным методом ее достижения избрано проведение широкой общественной кампании. Помимо этого CONAIE от лица всего коренного населения страны высказалась против строительства автомагистрали Манта-Манаус. Она должна пройти по территории влажно-тропической сельвы, связав тихоокеанское побережье Эквадора с северными районами Бразилии. Еще в феврале-марте 2008 г. Санти и его сподвижники провели марши протеста против правительства Коррреа. При этом сам Санти неоднократно заявлял, что выступления коренного населения «грозят перерасти в очередное индейское восстание». Их кульминационной точкой в марте прошлого года стал индейский поход на Кито. Все вышеизложенные факты говорили об усилении протестного потенциала участников этнического движения. Это осложнило и без того напряженные отношения между CONAIE и правительством, которое противодействовало стремлению индейских лидеров закрепить за собой позиции в политическом пространстве.

Еще одним камнем преткновения интересов коренных этносов и правительства стала Конституционная ассамблея в Монтекриси. Уже после референдума некоторые депутаты высказали резкие замечания в адрес проекта новой Конституции. Буквально перед самой его публикацией была внесена поправка, согласно которой наряду с испанским официальными языками признавались кичуа, шуар и другие индейские языки в районах их распространения. Благодаря инициативам таких видных этнических лидеров, как Умберто Чоланго, в текст проекта была внесена статья 71, которая в качестве отдельного субъекта права выделяла природные богатства — *Пача-мама* (название Матери-Земли на кичуа).

Однако в новой Конституции Эквадора статьи о правах коренного населения значительно сокращены, несмотря на неоднократные заявления президента, что государство будет использовать все имеющиеся ресурсы для кодификации норм традиционного индейского права. Практически никакие положения о полиэтничности и культурном многообразии государства, являвшиеся завоеванием индейских лидеров по конституции 1998 г., не вошли в новый текст Основного закона. Правовой статус туземных народов оговорен всего двумя статьями. К сожалению, в них не прописаны гарантии охраны культурного наследия, бережного отношения к традиционным знаниям, сакральным местам и святилищам.

В силу этих причин недовольство эквадорских индейцев продолжает расти. В ноябре прошлого года в 50 км от столицы страны Кито индейцы уже устраивали массовые манифестации против принятия нового закона о нефтедобыче. На этом фоне в недавних интервью Санти заявил о том, что индейские организации готовы к масштабному восстанию в духе 90-х годов.